

Получив приказ подать завтрак, Цю Лань вернулась с двумя следующими за ней служанками, держащими квадратные тарелки, в которых лежали разного рода горячие пирожные.

Цю Лань, приказав девушкам поставить еду на стол, пошла приглашать Жун Тяня и Фэн Мина:

— Завтрак уже на столе. Государь и князь Мин, за едой можете обсудить дела. Голод пагубно сказывается на здоровье.

На что Фэн Мин, обращаясь к толпе, спросил:

— Вы завтракали?

Все, находящиеся в комнате, с самого утра пришли либо позаботиться об императоре, либо что-то доложить ему. Разве у них было время на завтрак?!

Ле-эр покачал головой, а Жун Ху вообще не проронил ни слова.

Цю Юэ и Цю Син ответили:

— После того как мы позаботились о князе Мине, нам можно теперь поесть.

Лишь Цзы Янь, с утра поев жидкой каши, сказал в ответ:

— Ваш слуга уже позавтракал.

Ле Чжунлю, напротив, проговорил:

— На самом деле я тоже уже позавтракал, но, увидев такие прекрасные пирожные, вновь чувствую голод.

Фэн Мин рассмеялся:

— Тогда, несмотря на то, ели вы или нет, лучше всего всем вместе позавтракать. Цю Лань, поставь ещё табуреты.

Ойкнув, Цю Лань проговорила:

— Поначалу я хотела, чтобы государь и князь Мин поели, но приготовила столько пирожных, что, конечно, хватит на всех. Так, кажется, мне нужно идти и приготовить ещё немного еды. — И, спешно выскочив с двумя служанками, девушка помчалась на кухню.

Цю Син и Цю Юэ, воспользовавшись удобным случаем, отправились за табуретками.

Ле-эр, поднявшись с места, проговорил:

— Разве можно позволять девочкам надрываться, я сам принесу. — Опередив близняшек, он взял табурет, на котором сидел, и поднёс к столу.

Цзы Янь и Жун Ху тоже последовали примеру Ле-эра.

От увиденного у Фэн Мина тоже руки зачесались, и, подняв своё стройное тело с места, юноша сказал со смехом:

— Разве я не джентльмен?! — И, взяв стул, на котором сидел, потащил к столу.

Но стоило ему взять сделанный из красного дерева стул, и Фэн Мин понял, что хоть стул и обычный, но далеко не лёгкий.

Только что дав приказ Цю Лань пойти поставить ещё табуреты, юноша действительно проявил бестактность.

Ле Чжунлю, закинув ногу на ногу, сидел на большом стуле со спинкой и, вольготно наблюдая, как все перетаскивали табуреты, не проронил ни слова, словно ожидая чего-то.

Вскоре с места поднялся и Жун Тянь.

Как только Жун Ху, Цзы Янь и Ле-эр вернулись, Жун Тянь махнул рукой и блёкло спросил:

— Неужели этот император не может сам перенести свой стул?

И, засучив рукава, взял стул и отнёс к столу.

Уголки губ Ле Чжунлю слегка поднялись, однако сам мужчина по-прежнему хранил молчание, сидя спокойно, как гора Тайшань.

Жун Ху и другие, увидев это, подошли к мужчине, чтобы попросить передвинуться.

— Министр, в гостиной не хватает стула, просим Вас встать, а как только мы перенесём Ваш стул, то Вы снова сядете на него.

— М? А-а... — Ле Чжунлю кивнул и без раздумья приказал: — Пусть князь Мин перенесёт.

Фэн Мин, только что перетащив большой деревянный стул, на котором обычно сидел, запыхался, однако, внезапно услышав собственное имя из уст Ле Чжунлю, поднял голову и широко распахнул глаза. Поразмыслив, юноша вновь послушно подошёл и, кивнув, проговорил:

— Ничего, я сам перетащу. — И снова засучил рукава.

Выражая неодобрение, Жун Ху и остальные слуги воскликнули:

— Князь Мин...

— Я сам, — коротко проронил кто-то сзади.

Оказывается, Жун Тянь уже вернулся из гостиной. Его рукава также были засучены, а сам император Силэй, проговорив слова, широким шагом вошёл в комнату, приблизился к Ле Чжунлю, и никто не посмел ослушаться, наоборот, все вынужденно уступили дорогу.

— Ха-ха, ха-ха, ха-ха-ха-ха-ха, — внезапно рассмеялся Ле Чжунлю. Стройный мужчина поднялся с места, держась одной рукой за спинку стула, а другой — за живот. Его смех звучал низко, отвратительно и совершенно недостойно.

От его смеха все растерянно переглянулись, не понимая, какой нерв у министра внезапно защемило.

При всеобщем недоумении Ле Чжунлю прекратил смеяться и, неизвестно почему, неожиданно тихо и тяжело вздохнул.

В тягостном вздохе чувствовались неопишуемые печаль и огорчение.

Фэн Мин, странно посмотрев на мужчину, с особой осторожностью спросил:

— Отчего министр внезапно рассмеялся, а потом также внезапно вздохнул?

Ле Чжунлю глубоким взглядом посмотрел в ясные безукоризненные глаза юноши, а его губы изогнулись в едва заметной горькой улыбке:

— Я смеялся по воле Небес.

— По воле Небес?

Такой таинственный ответ?

Фэн Мин, не сдержавшись, вновь почесал затылок.

— Это воля Небес позволила князю Мину и императору Силэй быть вместе.

— Угу, — юноша кивнул, крайне одобряя.

Верно, если бы не воля Небес, то как бы его душа смогла попасть в тело лже-принца Силэй Ань Хэ?

Если бы не помощь Небес, то он не только бы не встретился с Жун Тянем и не влюбился бы в него, но и не смог, пережив все трудности, вновь благополучно вернуться к нему.

С этими мыслями и с выражением счастья на лице Фэн Мин кивнул, однако находящийся там Ле Чжунлю непрерывно покачал головой и сказал князю:

— Князь Мин не понял мою мысль.

— Я очень даже понял.

— Говоря про волю Небес, я имел в виду последствия Вашей связи с государем Силэй.

Ик?

Эти слова казались несколько знакомыми.

Фэн Мин внезапно вспомнил, что в прошлом, когда он узнал, что у Жун Тяня не будет потомства, а Тун-эр намеревается унаследовать престол, то сам сказал: «Если останемся вместе, нас могут ждать тяжкие последствия», в результате чего сильно разозлил Жун Тяня, лицо которого стало тогда на редкость мрачным.

Теперь не хватало, чтобы Ле Чжунлю такое...

Чувствуя себя неловко, юноша взглянул на Жун Тяня и, высмеивая, спросил:

— Это... не принесёт никаких последствий, да?

«Пожалуйста, только не говори, что отношения двух мужчин не продлятся долго.

Иначе, невзирая на то, являешься ты министром Силэй или нет, Жун Тянь наверняка может разозлиться и на тебя.

Я тоже так сделал...»

Услышав слова Ле Чжунлю, Цзы Янь нахмурился и прямо сказал:

— Прощу министра не интриговать нас, если есть что сказать, то говорите прямо.

Ле Чжунлю также без тени загадочности засмеялся, говоря в ответ:

— Если бы государь Силэй и князь Мин не были вместе, то даже великие устремления государя навряд ли бы позволили ему открыть взор, чтобы спланировать, каким именно образом объединить Поднебесную. — Указывая в сторону гостиной, которая находилась за комнатой, он добавил: — Только лишь основываясь на том, как тащили перед моими глазами стулья, я решительно утверждаю, что источником приказа о «Равной милости», независимо от хода событий, изначально являлся сам князь Мин. Поскольку, в отличие от императора Силэй, князь Мин крайне справедлив и честен.

В глубине души Жун Тянь выразил одобрение по отношению к этому.

Фэн Мин никогда не придерживался ранга и сословия, в отличие от многочисленной знати одиннадцати государств, в его глазах мало кому навешивался ярлык высшего и низшего сословий.

Если бы юноша ещё тогда на военном совете не возразил мнению многих, говоря, что в выборе чиновников и генералов не стоит ограничиваться лишь детьми знати, и не потряс сердце Жун Тяня, то, возможно, сегодняшней указ о «Равной милости» действительно не увидел бы свет.

Ле Чжунлю не ошибся, создателем «Равной милости» действительно был Фэн Мин.

— Тогда конечно, — Фэн Мин, поняв, что Ле Чжунлю не собирается говорить какие-либо грубые слова, сразу же выдохнул с облегчением и, уцепившись за одну сказанную мужчиной хвалебную фразу, сильно обрадовался и выпятил грудь: — Я очень справедливый человек. В будущем, если министр найдёт того, кто сможет восстановить справедливость, то пусть смело приводит его ко мне.

Его самодовольная мордашка была крайне очаровательной, и все присутствующие, включая Ле Чжунлю, не удержались от смеха.

Жун Тянь уже не мог сдерживаться и, притянув юношу к себе, зажал его нос и пожурил:

— Зазнайка.

— Только сейчас была высказана лишь одна половина слов, но есть ещё и другая.

Смех стих, и Ле Чжунлю вновь уверенно заговорил:

— Если бы князь Мин не встретил императора Силэй, то последствия были бы крайне тревожными.

На что Фэн Мин с изумлением спросил:

— Что могло бы вызвать тревожность?

Ле Чжунлю с улыбкой посмотрел на юношу и ответил:

— Белый — самый чистый из всех цветов, однако его легко запятнать и уничтожить. Не будь рядом императора Силэй, князь Мин сейчас не являлся бы князем Мином. Князь Мин, подумайте, если бы Вы с детства выросли в Ли, то являлись бы человеком государства Ли. Окажись Вы в руках императора Ли Жо Яня, если бы даже он крепко любил Вас, то совершенно не мог бы позаботиться о Ваших чувствах, как это делает император Силэй, и последовать Вашей идее. С помощью своих людей он непременно всевозможными способами уничтожил бы Вашу отвагу, сделав Вас покорным. Тогда бы Вы могли чувствовать радость и свободу, какую чувствуете сейчас?

Стоило подумать о подобной возможности, как Фэн Мина внезапно охватила холодная дрожь.

В памяти всплыла привлекательная служанка, которая из-за схожести с ним, князем Мином, была вынуждена спать с Жо Янем, а после без всякой причины и повода испытала его пытки, подвергшись нападению рыб, что безжалостно обкусали её ноги до крови.

Ле-эр, пару раз хохотнув, проговорил:

— Так вот в чём дело. Только было бы неплохо, если бы государь не покидал князя Мина, как и князь Мин не покидал государя. Но почему министр только что вновь вздохнул?

Ле Чжунлю слабо поджал губы:

— Я вздохнул из-за того, что Небеса и впрямь несправедливы. Множество страдающих людей не могут разделить даже малой доли удачи князя Мина.

Мужчину охватило тяжёлое раздумье, однако не хотелось подробно всем рассказывать.

Тихо вздохнув и обернувшись, Ле Чжунлю последовал примеру Жун Тяня и Фэн Мина — засучил рукава и, подняв большой стул, отнёс его в столовую.

Сейчас возле накрытого стола мест наконец-то хватало, все расселись, и Цю Лань как раз, вновь ведя за собой служанок, подала множество пирожных. Окинув всех взглядом, девушка, сдержанно засмеявшись, спросила:

— Почему всё ещё не едите? Неужели ждёте нашей дорогой гостью?

— Какой гостью?

— Конечно же этой. — И Цю Лань, отойдя в сторону, уступила дорогу стоящему сзади человеку.

На пороге одиноко стоял прелестный силуэт. Глаза феникса, изящные брови, а молодое и свежее лицо непревзойдённой красавицы словно дышало весной. Конечно, к ним на завтрак пожаловала Вэй Цюнян.

Все остолбенели.

Ле Чжунлю, ахнув, резко подпрыгнул на стуле прямо перед Вэй Цюнян. Радостно прищурился до узеньких щёлочек глаза, мужчина с волнением потёр руки и проговорил:

— Жёнушка, ты пришла? Я каждый день здесь завтракаю и ещё не видел, чтобы ты к нам присоединялась, и всё предполагал, что ты...

Сильно ненавидящая его лицо Вэй Цюнян злобно посмотрела на мужа:

— Предполагал, что я «что»? Если уж пообещала тебе, то я, конечно же, могу прийти. Неужели ты не поверил мне?

Ле-эр, сидя рядом с Фэн Мином, наклонился к юноше и пробормотал:

— Неудивительно, что сегодня он необычайно скромен и говорит, что нельзя пускать в ход руки, оказывается, он знал, что тигрица может пожаловать.

Подумав, что Ле Чжунлю сейчас притворяется порядочным, Фэн Мин не удержался и, сжав губы, улыбнулся.

Неизвестно, какими методами воспользовался Ле Чжунлю, но кто бы мог подумать, что ему удастся уговорить эту ещё более твёрдую, чем камень, Вэй Цюнян выйти из комнаты и присоединиться к ним.

— Хе-хе, жёнушка, ты, конечно же, заслуживаешь большего доверия, чем твой муж. Да, кстати,

ты сегодня ещё прекраснее, и, наверное, чтобы нарядиться, тебе потребовалось немного времени. Да, наряд хорош, женщине именно так нужно наряжаться, и тогда она будет такой красивой. — Подведя Вэй Цюнян к столу, Ле Чжунлю пожелал, чтобы она села на его стул. Количество перенесённых стульев равнялось количеству людей в комнате, потому, когда Вэй Цюнян заняла место мужа, самому Ле Чжунлю места не хватило.

Однако мужчина, не обращая внимания на такую мелочь, встал рядом с женой и заботливо помог ей перенести на тарелочку небольшое пирожное, украшенное маленьким китайским финином[1].

— Жёнушка проголодалась? Это пирожное очень вкусное.

На что Вэй Цюнян, фыркнув, сказала:

— Очевидно, что ты вообще не ел и всё же осмелился обмануть меня, сказав, что вкусное.

Приняв как должное, Ле Чжунлю тотчас же признал свою ошибку:

— Верно, я солгал, всё же жёнушка потрясающая, и ничто не укроется от тебя. Но то, что ты злишься на меня — пустяк, лишь бы не морила себя голодом.

Вэй Цюнян вновь фыркнула.

Но всё же на этот раз она при помощи палочек для еды взяла это маленькое пирожное и, разомкнув розовые губы, отправила в рот лакомство и начала тщательно пережёвывать, смакуя.

Увидев, как женщина, пережевывая, медленно проглотила лакомство, стоящий в стороне Ле Чжунлю крайне обрадовался. Это радовало его больше, чем вкушение собственной еды.

Супруги в данную минуту стали центром внимания. Под пристальным взглядом остальных министр Силэй проявлял настойчивое стремление по отношению к жене, вызывая у всех мурашки по телу.

— Ещё отведай это. — Подождав, пока Вэй Цюнян попробует пирожное, Ле Чжунлю с особой осторожностью, поднеся ещё одно лакомство, ласково проговорил: — Этот по форме напоминает персик, прекрасный и изысканно-алый. Жёнушка, съешь, и щёчки станут ещё алее и ещё прекраснее.

Ле-эр, содрогнувшись, вновь приблизился к Фэн Мину:

— Мамочки! Этот Ле Чжунлю невыносимее князя Мина и Его Величества.

Хоть эти слова прозвучали тихо, однако находящийся возле Фэн Мина Жун Тянь, как и все, кто сидел рядом, всё же услышал его дерзкую речь и тотчас же приподнял брови.

Давно предчувствуя подобное, Фэн Мин тотчас же вытянул руку под стол и с силой коснулся Жун Тяня, давая понять, что не следует запугивать Ле-эра, а сам, окинув всех взглядом и обнажив улыбку, проговорил:

— Не стоит всем оцепенело сидеть, давайте приступать к завтраку. — После чего, взяв баоцзы, охотно положил Ле-эру, двусмысленно добавляя: — Ле-эр, будь умницей, съешь чего-нибудь, только не носи вздор.

Даже такой несообразительный человек, как князь Мин, также почувствовал, что с Ле-эром сегодня что-то не так.

Вероятно, это как-то связано с этим Юй Ланом, о котором вчера упоминала Вэй Цюнян.

Фэн Мин в душе очень хотел знать, какое отношение этот человек имеет к Ле-эру, но вспомнил, что, возможно, это его, Ле-эра, мучительное прошлое и нехорошо вскрывать старые шрамы, особенно такого близкого человека, как Ле-эр.

Неоднократно прокручивая эти мысли, Фэн Мин в очередной раз был вынужден сдерживать себя.

Лакомства, приготовленные Цю Лань, были такими соблазнительными, что при одном взгляде на них у всех урчало в животе. Увлекая других личным примером, Фэн Мин взял одно прекрасное пирожное, на которое уже давно устремил взор, и начал завтракать.

Сидевший до этого вместе с Ле Чжунлю Цзы Янь, сейчас увидев, что мужчина стоит рядом с женой, почувствовал себя крайне неловко и, поднявшись, проговорил:

— Господин министр, садитесь на моё место.

После молодой генерал вновь пошёл в другую комнату, где взял ещё два стула и отнёс к столу. Один стул предназначался Цю Лань, а второй — себе.

Вскоре, когда завтрак подошёл к концу, а на столе не осталось ни единого кусочка того, что готовила Цю Лань, все незаметно для себя вновь вернулись к обсуждению дел государственной важности.

— Господин министр, вчерашний предложенный Вами план не возвращаться в Силэй действительно бесподобен. Однако у меня есть один вопрос, который нужно обсудить с господином министром.

— Говори.

— Если пока не возвращать престол и в настоящее время нельзя отправиться в Силэй, в таком случае не лучше ли нам отправиться куда-нибудь ещё?

Когда прозвучал этот вопрос, все, как один, закивали.

Этот вопрос, волновавший разум всю ночь и даже после постепенного пробуждения, также был первым и крайне важным после внезапно предложенной тактической идеи Ле Чжунлю.

Мир огромен, от чего отказаться и чему следовать?[2]

Ле Чжунлю помог Вэй Цюнян налить чашку горячего чая и настоятельно проговорил:

— Жёнушка, выпей заваренный чай, промочи горло. — Только потом обернулся и, с восхищением посмотрев на Цянь Линя, задал встречный вопрос: — На твой взгляд, как мы должны поступить?

Фэн Мин в душе крикнул: «Отлично!»

Подвергаясь частым вопросам Ле Чжунлю, юноша уже начал опасаться, что мужчина, как и в прошлый раз, вновь спросит его. Однако сейчас, когда появился бесстрашный Цянь Линь и внимание господина министра переключилось на него, коэффициент риска, что вопрос вновь зададут ему, князю, тотчас же значительно понизился.

Чем дольше он думал, тем больше радовался и, не сдержавшись, украдкой растянул в улыбке сжатые губы.

Находившийся рядом с Фэн Мином Жун Тянь недвусмысленно посмотрел на возлюбленного и сразу же понял, какие мысли вертятся в этой головёнке. Большая ладонь, находившаяся под столом, стала блуждать по ноге князя, поглаживая её.

Цянь Линь, являясь таким же приближённым телохранителем, как и Цзы Янь, что был выбран из всех молодых людей лично Его Величеством, конечно же, обладал огромным талантом и, тщательно поразмыслив, не сразу ответил на вопрос, а, наоборот, спросил у Ле Чжунлю:

— Министр уже когда-то проживал в Юэчжуне и этот городок, должно быть, знает как свои пять пальцев. Только неизвестно, нарисовал ли министр карту Юэчжуна?

Ле Чжунлю слегка изумился, спустя мгновение в его глазах появилась глубокая улыбка, а сам мужчина, кивнув, обратился к Цянь Линю:

— Так и есть, — одновременно вытаскивая карту из рукава.

Вытащив шёлковый свиток, мужчина расстелил на столе, где уже не было тарелочек, впечатляющую карту городка Юэчжун.

Отдельная карта города сильно отличалась от вчерашней карты одиннадцати государств.

Фэн Мин, вытянув шею, посмотрел на неё и вытаращил иссиня-чёрные глаза. Этот свиток был расписан семью тонкими кистями и семью цветами, кропотливая роспись превращала шёлк в настоящее произведение искусства. Поцокав от восхищения, юноша втянул голову и прошептал Жун Тяню:

— Наш министр действительно в сравнении с Дораэмоном[3] ещё круче, а в рукавах, кажется, что ни спросишь — всё есть.

Жун Тянь, понизив тон, задал встречный вопрос:

— Он, конечно, предугадал, что сегодня кто-то может поинтересоваться Юэчжуном, и если спросят, то определённо понадобится карта, чтобы хорошенько её проанализировать. Не исключена возможность, что эту карту он всю ночь рисовал. Планы этого человека заранее просчитаны, отчего никто не осмелится недооценивать его. — И вновь спросил: — А этот Дораэмон, из какой он страны?

— В общих чертах, он из кошачьей страны. — Фэн Мин высунул очаровательный язычок и, вновь усевшись, продолжил слушать обсуждение важных государственных дел.

Цянь Линь в данную минуту тоже вздыхал над тщательно нарисованной Ле Чжунлю картой и, указывая на тонкий синих штрих, проговорил:

— Я долгое время обследовал город, но не видел этого пути.

На что Ле Чжунлю спокойно ответил:

— Вы не видели, и это неудивительно. Синий штрих помечает секретный подземный ход в Юэчжуне, о нём давно забыли, даже человек, проживший здесь более десяти лет, вряд ли сможет отыскать вход, тем более Вы, только что осмотревшие несколько раз оборонные укрепления города.

Цянь Линь вздрогнул и с изумлением спросил:

— Что? В этом крохотном городе неожиданно оказался длинный, извилистый ход?

Цянь Линь, прищурившись, внимательно взглянул на изогнутую синюю линию и, с восторгом указывая на карту, добавил:

— Скорее посмотрите сюда, этот проход ещё ведёт за город. О Небеса, чтобы прорыть такой огромный ход, понадобилось немало времени.

Вэй Цюнян, похоже, хорошо знавшая об этом изумительном подземном пути, холодно проговорила:

— Его вырыли, ещё когда воздвигался Юэчжун. Поначалу на этот подземный ход потратили много сил, но, к сожалению, до сих пор он был бесполезен.

Подошёл Цзы Янь и, стоя плечом к плечу с Жун Ху, внимательно посмотрел на карту, а затем внезапно проговорил:

— На тот момент строивший этот ход человек наверняка питал великие устремления, рассчитывая, что позднее с помощью этого укрепленного военного лагеря можно планировать серьёзные дела. Смотрите, если опираться на естественные рубежи, то в начале пути расположен густой лес, за которым протекает река Оман, а выход ведёт в Силэй.

— Угу, если захочется расправиться с Силэй... — раздались сзади слова Жун Ху, от которых на душе стало не по себе, однако сам юноша остановился, ограничившись сказанным, и взглянул на Вэй Цюнян.

На красивом лице женщины всё ещё было холодное выражение, и, встретившись со взглядом Жун Ху, она ответила:

— Верно, этот укрепленный город в то время планировал свести счёты с Силэй и тайно, потратив огромные деньги, построил этот подземный проход. К сожалению, у нового императора Юньинь, который оказался хуже предыдущего, хватило смелости лишь воздвигнуть крепкие стены, однако он не осмелился действовать дальше, и сейчас Юэчжун превратился в захолустный, отвергнутый всеми городок. Хе, действительно забавно.

Хоть она и говорила интересно, однако в тоне чувствовалось неопишное негодование.

Едва услышав это, все поняли, что женщина тесно связана с этой постройкой.

Жун Тянь вспомнил кое-кого, зрачки его сузились, и, посмотрев на Вэй Цюнян, император Силэй низким тоном проговорил:

— Не знаю, в каких отношениях госпожа с генералом Вэй Цянем?

Вэй Цюнян, услышав это имя, слегка изогнула губы в горькой улыбке и ответила:

— Он мой прадед.

От прозвучавших слов не только Жун Тянь, но и даже рядом сидящий беззаботный Фэн Мин внезапно вздрогнул всем телом.

Вэй Цянь — это имя он много раз слышал тогда, когда Жун Ху преподавал историю одиннадцати стран.

Споры одиннадцати государств длились сотню лет, и герои рождались, как побеги бамбука после дождя, один за другим, криком вызывая ветер и тучи[4], а тот, кто произвёл огромное впечатление, оказался одним генералом, что был рождён рабом[5]. Опираясь на необычные боевые заслуги, он изменил судьбу почти уничтоженного государства Юньинь. И этим генералом оказался Вэй Цянь.

В те годы на территорию Юньинь, когда его мощь была слабее, чем сейчас, вторглись три соседних государства, и родной город Вэй Цянь подвергся нападению. Дерзко возглавив шестьсот бунтующих рабов и с помощью дарованных небом военных способностей, этот мужчина силой заставил отступить тридцатитысячное войско страны Тун.

Царствующий дом Юньинь в то время едва не решил предать всех мужей императорской семьи Юньинь самоубийству, однако, получив эту отличную новость, находящийся тогда на своей должности император Юньинь Юн Лянь в ознаменование огромной заслуги, не обращая внимания на возражение важных министров, решительно наградил раба Вэй Цяня титулом знати, к тому же вручил ему войска Юньинь, от численности которых почти остались рожки да ножки.

Это отчаянные меры.

Вэй Цянь не разочаровал Юн Ляня, он возглавил оставшуюся армию Юньинь и, лишь опираясь на чрезвычайно малую продовольственную поддержку и пользуясь засадами и подкопами, сковывал силы противника огнём и водой, перевербовкой шпионов, всевозможными способами, в итоге заставил войска трёх стран-соседей бежать с земель Юньинь и вновь заложил основание нынешнего государства.

В его доблестных тактиках одна чудовищная стратегия, которая была превосходной военной тонкостью: «малое количество людей побеждало численность», была доведена до крайней степени.

Если рассматривать с чисто военной точки зрения, то за сто лет ещё никому не удалось превзойти Вэй Цяня.

Пусть даже нынешнее поколение такое же самоуверенное, как, например, Жун Тянь, но оно также не осмеливалось пренебрежительно относиться к этому имени.

— Кто бы мог подумать, что здесь, в Юэчжуне, повстречаю потомка этого уже ставшего легендой человека. К потомку действительно отнеслись непочтительно. Есть ли, кроме госпожи, у генерала Вэя ещё потомки, и где они сейчас?

— Я единственная, — продолжила Вэй Цюнян с холодной насмешкой. — Император Силэй хочет спросить: раз уж я — потомок Вэй Цяня, то почему оказалась в этом маленьком захолустье?

А она и впрямь несколько умна.

Этот вопрос действительно терзал Жун Тяня, только последнему было неудобно напрямую задавать его.

Упомянув векового легендарного человека и глядя на сидящего перед глазами его живого потомка, все охваченные любопытством, наострив уши, ждали, что же она ответит.

Ле Чжунлю проговорил:

— Дело царствующего дома Юньинь и фамилии Вэй крайне сложное, неизвестно, как мы можем за час всё объяснить так, чтобы было понятно.

На что Вэй Цюнян спросила:

— Что значит «трудно объяснить»? Раз трудно, тогда не нужно говорить, просто замолкни!

Услышав это, Фэн Мин в душе вздрогнул, словно внезапно его озарило, и юноша невольно громко ахнул.

Все как один, услышав его вскрик, обернулись и поглядели на князя.

— Что случилось? — спросил Жун Тянь.

— Я... я, кажется, понял.

— Что понял?

— Хе-хе, — Фэн Мин улыбнулся, обнажая лукавую ямочку на щеке. — Я только что понял, почему госпожа Ле сегодня утром согласилась выйти и позавтракать с нами.

Жун Тянь с безысходностью вздохнул, сказав:

— Такое простое для понимания дело до тебя только сейчас дошло?

Фэн Мин с изумлением спросил:

— Неужели ты тоже понял?

— Конечно же.

Если для этой парочки всё было понятно, то вот для остальных — нет, и чем дольше они слушали, тем больше путались.

На что Цю Лань с удивлением спросила:

— Князь Мин, что Вы, всё-таки, поняли? Почему госпожа Ле сегодня утром внезапно согласилась выйти и позавтракать вместе с нами?

Цзы Янь сказал со смехом:

— Должно быть я ошибаюсь, но наверное это...

— Прекрати! — внезапно Ле Чжунлю прервал Цзы Яня, и, когда все присутствующие перевели внимание на него, мужчина загадочно рассмеялся: — Лучше давайте сыграем в игру.

Цю Юэ, которая очень любила играть, тотчас же воодушевилась и звонко спросила:

— Во что поиграем?

— Мы все напишем разгадку на ладонях, после нам нужно раскрыть их и посмотреть, кто угадал верно, а кто — нет.

Славное личико Цю Юэ тотчас же омрачилось:

— Что в этом забавного, я совершенно не могу понять.

Хоть девушка и протестовала, однако все легко поддались игре.

Вскоре действительно принесли тушь и кисть, и каждый на своей ладони написал ответ.

После чего Ле Чжунлю проговорил:

— Раскройте ладони и позвольте этому министру посмотреть, за ошибкой обязательно последует наказание. Один, два, три.

Все повиновались и разом раскрыли ладони.

Каждый, скосив глаза, посмотрел на ответ другого.

Только Жун Тянь, Цзы Янь, Жун Ху, Цянь Линь и Ле-эр написали одни и те же слова «Приказ о Равной милости», Фэн Мин же был крайне ленив и написал лишь «равная», что по смыслу почти совпадало с остальными.

Ле Чжунлю, посмотрев на каждую ладонь по очереди, сказал:

— Правильно, это тоже правильно... Правильно, князь Мин тоже догадался верно. — И подошёл к Цю Син, у которой на ладони было написано всего два слова: «лёгкие кушанья».

Увидев, что все смотрят на неё, Цю Син с очаровательной наивностью пояснила:

— Я полагала, что это из-за вкусных закусок Цю Лань.

На что сама Цю Лань крайне обрадовалась и обратилась к девушке со словами:

— Цю Син, позже скажи мне, какие именно сладости тебе нравятся, и я помогу тебе их сделать. — Ответ же самой Цю Лань был весьма прост — лишь два слова красовалось у неё на ладошке: «не знаю».

Цю Юэ, не думая, что ответить, наспех нарисовала лишь простую кошачью мордочку. Все, увидев её, громко расхохотались.

После оглашения ответов Фэн Мин был сильно разочарован и печально вздохнул:

— Я всё же считал, что придумал на этот раз нечто особенное. Каким образом вы предугадали мой ответ?

Ле-эр, потихоньку хихикая, сказал:

— Собственно говоря, я бы не угадал, не услышь разговор государя и князя Мина. Если кто-то ещё не догадался, тот слишком глуп. Хоть Вэй Цянь и непревзойдённый генерал, но всё же родился рабом. Безусловно, знатное государство Юньинь, перейдя реку, разрушило мост[6] и,

опираясь на власть и могущество, которое сохранил ему Вэй Цянь, сразу же начало его притеснять, отвергая род Вэй.

Юноша в основном догадался верно.

При жизни Вэй Цяня ни у кого не хватало такой смелости притеснять его.

После смерти Вэй Цяня и императора Юнъинь Юн Ляня, когда новый император взошёл на престол, в роду Вэй больше не было таких талантливых стратегов, коим являлся Вэй Цянь, и с тех пор род Вэй, хоть и был знатен, однако глубоко презираем другими знатными персонами, которые загоняли его в затруднительное положение. Той потомственной знати, которая с лёгкостью отказалась бы от глубоко укоренившейся иерархии, делящей народ на богатых и бедных, и которая критиковала своё положение, чтобы поддержать являвшийся когда-то рабским род Вэй, действительно оказалось немного.

Уже некогда спасший из огня и воды Юнъинь род Вэй, после смерти самого Вэй Цяня, из-за строгого ранга испытал бесчисленное количество потерь, и по правде сказать, уже был переполнен обидой.

В виду этого приказ Жун Тяня о равной милости к люто ненавистной иерархии, делящей народ на богатых и бедных, для Вэй Цюнян, которая хлебнула много горя, был сравним с сильнодействующим лекарством.

Неудивительно, что её позиция наконец несколько смягчилась, и женщина согласилась удостоить их визитом.

В итоге сейчас дело Вэй Цюнян неожиданно стало понятным. Цянь Линь вновь последовательно вернулся к началу вопроса, чтобы обсудить нынешнее местоположение и оборону Юэчжуна.

— Этот укреплённый город на самом деле был основан генералом Вэй Цянем? — Цянь Линь, внимательно рассматривая карту, с изумлением поцокал языком. — Чем дальше всматриваюсь, тем больше убеждаюсь, насколько был талантлив генерал Вэй Цянь! Смотря на внешнее сочетание и ссылаясь на расстояние, если надлежало командовать, то этот маленький город действительно может выдержать осаду в сто тысяч войск.

Цзы Янь кивнул и, вздохнув, сказал:

— Без помощи нашего министра, который открыл городские ворота, боюсь, мы бы не вошли в город.

Ле Чжунлю изо всех сил подмигнул Цзы Яню, к сожалению, запоздало.

От упоминания этого дела Вэй Цюнян тотчас же разозлилась и локтём несколько раз ударила стоящего сзади мужа в живот.

Всхлипнув, мужчина схватился за ушибленное место и обнажил на лице страдальческое выражение, однако не посмел громко вопить от боли, опасаясь, что его вновь начнут бить.

Цю Юэ и остальные, увидев эту сцену, в душе посчитали её забавной.

Мужчин-подкаблучников существовало множество, однако мужчин, которые целыми днями терпели побои жены, и впрямь редко можно было увидеть.

Понимая, что будет неуместно говорить, что Ле Чжунлю больно, Цзы Янь поспешно перевёл тему, намереваясь спасти положение:

— Раз уж у Юэчжуна такое необычное расположение, которое является его преимуществом, к тому же есть ещё и беспрепятственный тоннель, то это место, безусловно, может служить крепким опорным пунктом. С точки зрения министра, можем ли мы рассматривать это место как стратегический пункт, ожидая резкого изменения обстановки? К тому же когда Жо Янь ослабнет от атак всех государств, мы сможем выдвинуться в путь, а после, справившись с внутренними беспорядками в Силэй, разделаться с Жо Янем.

Его слова звучали разумно, и все, кивнув, отозвались: «Верно».

Ле Чжунлю ничего не ответил, однако медленно перевёл вопросительный взгляд на Жун Тяня.

Мужчина не посмел заглянуть в горящие глаза императора Силэй, а сам Жун Тянь пылко проговорил:

— Теперь будущее толпы переходит в руки господина министра, и не важно, какой у Вас план, прошу господина министра, смело приказывайте. — И, сняв висевшую на поясе яшмовую подвеску, вручил Ле Чжунлю, решительно говоря: — Это залог[7].

Примечания:

[1] Зизи́фус настоящий, или Уна́би обыкновенная, или Юю́ба китайская, или Кита́йский фи́ник — растение; вид рода Зизифус семейства Крушиновые.

[2] Обр.: принять решение — делать или не делать, и если делать, то как?

[3] Дораэмон - это кот-робот из японских манга и аниме, пришедший из XXII столетия в XX век для того, чтобы помочь обычному ленивому подростку Нобите прожить менее несчастную жизнь и улучшить будущее его потомков.

[4] Обр. в знач.: обладать огромной властью, могуществом, вершить судьбы.

[5] Вспоминаются времена, когда рабство ещё было в чести в одиннадцати государствах.

[6] Обр. в знач.: отвернуться от благодетеля, когда пройдет в нем надобность, проявить неблагодарность.

[7] Предмет, подтверждающий соглашение, напр., обручальное кольцо.

<http://bllate.org/book/13377/1190203>